

ОБ ОДНОМ ИЗ ВАЖНЫХ ВИДОВ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Наблюдающееся в послевоенный период значительное оживление этимологических исследований лексики индоевропейских, и в частности славянских, языков выдвинуло на передний план необходимость рассмотрения общих вопросов о принципах, методах и приемах этимологического анализа применительно к современному состоянию языкознания. Одна из относящихся сюда задач заключается в определении возможных в настоящее время основных видов этимологических работ как форм или способов этимологического исследования, в установлении места и роли каждого из этих видов в общем процессе развития современной этимологии и в выяснении степени их эффективности для дальнейшего прогресса сравнительно-исторического языкознания.

Вопрос о видах этимологических работ уже стал предметом обсуждения. В частности, этому вопросу была посвящена значительная часть доклада О. Н. Трубачева на Всесоюзном координационном совещании славистов в 1961 г.¹ В качестве основных видов этимологических работ автор выделил этимологические словари, этимологические исследования тематических групп лексики и исследования по этимологии отдельного слова, а также рассмотрел специфику каждого вида. При этом вполне обоснованно была подчеркнута важность этимологических исследований целых тематических групп, обеспечивающих, в частности, возможность учета системных связей между словами, входящими в состав одной группы².

Совершенно очевидно, что при всех объективных трудностях, которые приходится преодолевать в процессе этимологизации многих слов, учет системных отношений между лексическими элементами языка имеет для научной этимологии первостепенное значение³. По существу, все здание научной этимологии с са-

¹ О. Н. Труба ч е в. Задачи этимологического исследования в области славянских языков. — «Актуальные проблемы славяноведения» (КСИС 33—34). М., 1961.

² Там же, стр. 204.

³ Ср.: В. И. А б а е в. О принципах этимологического исследования. — «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., 1956, стр. 293.

мого начала представляет собой сложную модель своеобразных системных отношений между лексическими элементами родственных языков. Своеобразие и сложность этимологической модели лексического состава заключается в том, что она является результатом научной абстракции не только от синхронических отношений между языковыми единицами, как это бывает обычно для других системных построений в языкознании, но и (в значительно большей степени) от диахронических и территориальных видоизменений тождественных в прошлом единиц при их вхождении в различные синхронные системы. В этой модели системные отношения между словами внутри отдельных тематических групп, как и между целыми тематическими группами в пределах всего словарного состава, занимают значительное место. Но основу этимологической модели словарного состава образуют фонетические и семантические отношения между словами внутри отдельных этимологических гнезд и между целыми этимологическими гнездами, восходящими к различным корням праязыка. Именно непрерывное уточнение состава этимологических гнезд и углубление понимания системных отношений внутри гнезд и между гнездами составляют основную и непосредственную задачу всей научной этимологии в целом. При таком понимании основной задачи этимологии и при учете имеющегося опыта исследователей представляется целесообразным выделить еще одного вида этимологических работ — исследования этимологических гнезд, восходящих к одному нераспространенному корню, на лексическом материале целой группы или семьи родственных языков⁴.

Можно предположить, что подробное рассмотрение целых этимологических гнезд составляло важный аспект исследовательской практики большинства крупных этимологов, авторов наиболее самостоятельных этимологических словарей. Такое рассмотрение стало необходимым сразу же после научного установления индоевропейских корней и с тех пор представляет собой одну из двух взаимосвязанных сторон этимологизирования наряду с возведением отдельных слов к определенным корням. При этом могут преследоваться две разные цели: с одной стороны, подробное рассмотрение всей совокупности слов родственных языков, возводившихся когда-либо к данному корню, и сопоставление сомнительных в этом отношении слов с другими этимологическими гнездами, к которым эти слова могут быть отнесены, является одним из наиболее эффективных способов проверки уже предложенных этимологий; с другой стороны, поиск и рассмотрение новых слов, которые могут быть возведены к данному корню, обеспечивают возможность установления новых этимологий, основывающихся на совокупности этимологических связей в рамках

⁴ Ср. аналогичное положение в докладе Г. Барци. — ВЯ 1967, № 4.

целого данного гнезда. Специфика этого вида исследования, заключающаяся в направлении исследовательской процедуры — не от данного слова к искомому этимологическому гнезду, а от данного гнезда к искомым отдельным словам, — является важным, пока что полностью не используемым, источником дополнительных возможностей этимологизирования.

Эффективность этимологического исследования, охватывающего целые гнезда слов родственных языков, отчетливо видна во всех тех случаях, когда результаты исследования оформляются в виде статей или монографий, как, например, у П. Персона⁵, а не распределяются между разными статьями этимологического словаря. На современном этапе развития этимологии индоевропейских языков этот вид этимологического исследования может быть особенно эффективным в применении к лексическому материалу таких языковых групп, которые сравнительно редко служили основой для разработки этимологии целой языковой семьи. В значительной степени к таким языкам принадлежат славянские. Наиболее существенные результаты могут быть достигнуты при сочетании этого вида этимологических исследований с работой по составлению этимологического словаря, что дает возможность предварительно выявить этимологические гнезда, заслуживающие исследования в первую очередь.

Высказываемые здесь положения основываются главным образом на результатах непосредственного исследования двух этимологических гнезд, восходящих к и.-е. корню **kes-* со всеми его древними разновидностями и к и.-е. корню **bhā-/bhə-*, на материале славянских и других индоевропейских языков. В обоих случаях исследование строилось в виде подробного обзора лексического материала различных групп индоевропейских языков, который возводится или с фонетической точки зрения может быть возведен к данному корню, причем особое внимание было уделено материалу славянских и балтийских языков. Привлекались также казавшиеся несомненными соответствия из семито-хамитских языков — главным образом по данным Г. Меллера и А. Кюни.

Проведенные исследования показали, что отыскание и сопоставление возможно большего количества слов из родственных языков, которые в фонетическом отношении могут быть возведены к данному корню, делает возможным установление неожиданных семантических переходов и генетических связей между сопоставляемыми словами. Вследствие этого слова, оставшиеся в прошлом

⁵ P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala—Leipzig, 1912, особенно главы, посвященные анализу основы *peu-, pou-, pā-* (стр. 241—274), лат. *spissus* и родственных форм (стр. 386—422), основы *ster-* (стр. 428—446) и др. В последнее время несколько аналогичных исследований отдельных этимологических гнезд опубликовали А. С. Львов, Г. Шустер-Швед и др.

без удовлетворительной этимологии, занимают определенное место в уже разработанном этимологическом гнезде. Вместе с тем сопоставление соответствующих данных из всех групп родственных языков способствует уточнению и конкретизации первоначальной семантики индоевропейского корня.

В частности, при исследовании этимологического гнезда, восходящего к корню *bhā- 'говорить, рассказывать', более древнее состояние которого восстанавливается в виде *bhā́ʔ (ср. евр. *bē'ēr* 'объяснять, разъяснять'; иврит. 'толковать, комментировать', *nibbā'* 'прорицать', *nābī'* 'пророк', араб. *nabba'a* 'он сообщил', *naba'u* 'сообщение, известие'), к различным широко представленным в славянских языках производным основам от этого корня, в основном рассмотренным уже в сравнительном словаре Л. Садник и Р. Айтцетмюллера ⁶, удалось возвести еще несколько славянских лексических образований, этимология которых до настоящего времени оставалась неразработанной или спорной. При этом особенно заметно пополнилось количество образований от основы *bar-*, содержащейся в диалектных русских образованиях *барабáрить* 'тараторить', *барáбара* 'вздор, чепуха', *тáры-бáры* (обозначение беспечной болтовни), укр. *тáри-бáри* то же, словен. *báрати* 'спрашивать', *báрти* 'шутка', болг. диал. *барам* 'спрашиваю', польск. *baraszi* 'шутки, проделки', *barłozyc* 'болтать' и др. К этой группе образований легко присоединился объяснявшийся до сих пор по-разному укр. глагол *барíтися* 'задерживаться, мешкать', русск. диал. *барíться* то же, *барíть*, блр. диал. *барыцца* то же ⁷. Этот глагол проще всего объясняется как результат развития обычной и в настоящее время префиксальной формы *забарíтися* 'задержаться, замешкать' с первоначальным значением 'заговориться, заболтаться', т. е. увлечься разговором на слишком долгое время (ср. русск. *заиграться*, *засидеться* и т. п.). Абсолютную параллель к этому образованию составляет укр. диал. *загуря́тися* 'задерживаться, замешкиваться, развлекаться', *загу́ритися* 'задержаться и т. д.', *загуря́ти*, *загу́рити* 'занимать, развлекать разговорами' от глагола *гурити 'говорить' (ср. русск. диал. *гуркать*, а также *бала-гур*, *говорить*). Первичность префиксальной формы с *за-* в укр. *забаритися* 'задержаться' подтверждается еще и тем, что в украинском языке имеется только производное прилагательное *забарний* 'медлительный, требующий много времени', но нигде не зафиксирована беспрефиксная форма *барний.

⁶ L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, 2. Wiesbaden, 1964, стр. 114—121.

⁷ См.: Miklosich, стр. 26; Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ 62, вып. 1-2, 1909, стр. 251—253; О. Н. Трубачев. Slawische Etymologien. — ZfSl. III, Н. 5. Berlin, 1958, стр. 670—671; Rudnyckyj 1, стр. 81.

Дальше, к этому же гнезду присоединяется охарактеризованное М. Фасмером как темное слово русск. диал. *бартé* 'пожалуйста, прошу тебя'⁸, являющееся аллегроформой прежнего **барю тебя* или **барю ты*, а также рассматриваемое В. Махеком в отрыве от этого русского соответствия и необъяснимое им чеш. *bařtipán* 'заносчивый толстяк'⁹. Наконец, к общеславянской глагольной основе *bar-* 'говорить' может быть отнесен ряд частиц типа словц. *bárs* 'хотя бы', *bárs by* 'если бы' (вероятно, из *bar si* 'скажи себе, попроси' и т. д.), ср. русск. *хотя́*, укр. *хоч* 'хотя' < *хочешь*, *bársčo* 'что угодно' (из *bar si čo* 'что бы ты ни сказал', букв. 'скажи себе что'), *bárskedu* 'когда-либо' (из *bar si kedy* 'когда бы ты ни сказал', букв. 'скажи себе когда'), *bár kdo* (*bárzgdо*) 'кто-нибудь', *bárjaký* 'какой-нибудь' и т. п., болг. *барém* 'по крайней мере, хотя бы', *барúm*, *баре*, *бар* то же, диал. *небаре* 'будто, словно', ср. укр. *немов* то же, *пříбаре* 'почти', макед. *барем*, *баре*, *бар* 'по крайней мере, хотя бы', с.-хорв. *bār*, *bār*, *bāрем*, *bāрем*, диал. *bāren*, *bāri*, стар. *bāre* то же, словен. *bār* 'по крайней мере'. Попытка выведения этих распространенных в нескольких славянских языках и этимологически явно связанных частиц от тур. *bari* (*barim*) 'по крайней мере' или венг. *bár* 'по крайней мере, если бы'¹⁰ мало убедительна прежде всего с точки зрения количества и географического распространения соответствующих языков¹¹. К тому же рассматриваемое слово в турецком языке не имеет никаких этимологических связей¹², что же касается венг. *bár*, восходящего к *bátor* 'храбрый, смелый'¹³, то в развитии его значения не исключена возможность параллелизма к словен. *bār* при длительном взаимодействии словенского и венгерского языков. Указанные обстоятельства, а также разнообразие южнославянских вариантов этой частицы, которые могут быть отождествлены с несколькими личными формами глагола *bariti*, делают значительно более вероятным предположение о происхождении тур. *bari* (*barim*) и рум. *barem* от рассматриваемых форм славянских слов, чем об иноязычном происхождении всех этих славянских форм.

Среди различных славянских производных от и.-е. **bhā-* значительное место принадлежит глагольной основе *bav-*, отраженной

⁸ Фасмер I, М., 1964.

⁹ Machek, стр. 26.

¹⁰ Miklosich, стр. 7; Vengeler I, стр. 44; Machek, стр. 25.

¹¹ Еще менее убедительной кажется мысль о происхождении болгарских вариантов частицы *барém* и т. д. от болг. *ббжем* 'будто', *ббже* то же (В. Георгиев, И. Гълъбов, И. Заимов, С. Илчев. Болгарски етимологичен речник, св. 1. София, 1962, стр. 33, 62). Но эта мысль является вместе с тем одним из свидетельств неудовлетворенности традиционным объяснением.

¹² См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. 2. СПб., 1911, стр. 1482.

¹³ G. Vargasi. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941, стр. 16.

в ст.-слав. **ОБЪВАТИ** 'заговаривать, заклинать', **ОБЪВЪНИКЪ** 'колдун, заклинатель', русск.-ц.-слав. также 'врач', серб.-ц.-слав. **ЗЪБАВАТИ** 'заговаривать, заклинать', чеш. *baviti se o čem* 'рассказывать друг другу о чем-н.', с.-хорв. *zъbавити* 'осудить, опозорить', словен. *zabavljati* 'приставать, ругаться, высказывать неудовольствие', вероятно, также русск. диал. *баўтка* 'поговорка' (<**ба-вѣтка*, с конечной частью, вызванной влиянием слова *шутка*), *прибаўтка* то же, *баўтчик* 'краснобай, рассказчик' и, возможно, русск. диал. *баусень* 'припев в песнях' как результат контаминации *баўтка* и *песнь* или диал. *авсень* 'шуточная песня'¹⁴. Эта основа находит себе соответствие и в балтийских языках, которые, в отличие от славянских, сохранили от и.-е. **bhā-* лишь единичные образования. Сюда могут быть отнесены лтш. *bauma* (*баўме*) 'слухи, злые разговоры', *bauzt* 'болтать; лаять', *bauzēt* 'медленно говорить, выделяя каждое слово', *baūzis* 'медленно говорящий', *baūzis* 'лгун, болтун', *bauzinat* 'говорить чепуху', *baūslis* 'приказ; заповедь; болтун', *baūslība* 'закон' (библ.) и, вероятно, лит. *baūsti* (<**baudti*) 'наказывать, побуждать', *baumė* 'наказание' и др. — все с дифтонгом в основе *bau-* перед последующим согласным соответственно славянскому разнотактному *-av-* перед последующим гласным. Эти латышские и литовские слова значительно теснее связаны со славянской основой *bav-* 'говорить', чем с лтш. *bust* 'просыпаться', лит. *būsti* то же, *budėti* 'бодрствовать', ст.-слав. **БЪДѢТИ** то же, с которыми они обычно сопоставляются¹⁵, хотя в более глубокой исторической перспективе может быть принята и эта связь. Многочисленные материалы славянских языков убедительно свидетельствуют о том, что к этой же славянской основе *bav-* 'говорить, разговаривать' принадлежат и обычные для всех славянских языков такие глаголы, как русск. *завѣляться* 'развлекаться', укр. *бавити* 'нянчить, развлекать', блр. *завѣіць* 'развлечь', диал. *бавіць*, польск. *bawić*, чеш. *baviti*, словц. *bavit'*, в.-луж. *zabawieć* то же, болг. *бавя* 'нянчу, развлекаю', макед. *завави* 'развлечь', с.-хорв. *zъbавлати*, словен. *zabavati* 'то же' вместе с многими производными, возникшие на основе праславянского значения глагола *baviti* 'говорить, занимать разговор'. Но праслав. *zabaviti se*, наряду со значением 'заняться разговором', могло, по-видимому, означать и 'увлечься разговором, заболтаться, забытья в разговоре, задержаться в разговоре дольше, чем следовало' (ср. аналогичное более позднее значение в блр. диал. *завѣіцца* 'увлечься игрой, забытья в игре', от глагола *бавіцца* 'играть', или упомянутые уже укр. *заварітися*, *загуритися*). Отсюда, вероятно, уже в конце праславянского пе

¹⁴ Иначе Фасмер I, стр. 59, 136.

¹⁵ K. Mühlenbach, J. Endzelin. Lettisch-deutsches Wörterbuch I. Riga, 1923—1925, стр. 266—269; Fraenkel I, стр. 62.

риода развилось унаследованное всеми славянскими языками употребление глагола *zabaviti se* в более общем значении 'задержаться, замешкаться', после чего, возможно, уже в отдельных языках возникла и беспрефиксная форма *baviti se* со значением 'задерживаться'. Обе глагольные формы с этим значением дали в славянских языках ряд производных. Установленная таким образом связь глаголов *zabavljati* 'развлекать' и *zabaviti se* 'задержаться' с основой *bav-* 'разговаривать' делает совершенно излишним обычное до настоящего времени сопоставление этих славянских образований с глаголом *byti*, т. е. смешение их с образованиями типа *ubaviti*, *izbaviti*, *dobaviti*, *pribaviti*¹⁶.

Предлагаемое понимание развития значения 'задержаться' в глаголах *zabaviti se*, укр. *zabaviti se* открывает возможность более простой и убедительной этимологии глагола *zabiti*, *zabivati*, чем те, которые предлагались до сих пор, иногда в связи с *zabaviti se*¹⁷. В действительности глагол *zabiti*, сравнительно позднее славянское образование от *byti*, обнаруживает такую же связь с глаголом *byti* через промежуточное образование *zabivati se*, как и укр. *baviti*, *baviti se* 'задерживаться' через ступень *zabaviti se* с глаголом *baviti* 'разговаривать' или как русск. *zasedeti* с глаголом *sidet*: первоначально *zabivati se* означало 'увлечься пребыванием где-либо, пробыть дольше, чем следовало, и поэтому не заняться другим важным делом', после чего на передний план в этом значении выдвинулось именно то важное дело, которое оставалось невыполненным из-за слишком долгого пребывания в другом месте, и, наконец, глагол *zabiti se*, уже в этом новом значении 'не вспомнить', будучи полностью диэтимологизирован, получил по образцу других возвратных глаголов невозвратную параллель *zabiti*.

Из особенно многочисленных в славянских языках образований от основы *bal-* 'разговаривать' (ср. русск. диал. *baliti* 'шутить', *baliti* 'болтать', *bal* 'лясы, шутки', укр. *bal* 'лясы' — в выражении *b. točiti*, *balakati* 'разговаривать', с.-хорв. *baliti* 'говорить вздор' и т. д.) можно было бы отметить русск. *baljasy* 'лясы, рассказы', *baljanyk*, *baljanychat*, укр. *baljasy*, *baljanyk*, *baljanyvati* 'балагурить, шуметь, шалить', блр. *baljanyk*. Слово *baljasy* до сих пор обычно отождествляется с русск. *baljasy* 'резной или точеный столбик', укр. *baljasy* 'перила', заимствованными из польского языка, в котором *balas* 'вал, круглый столбик,

¹⁶ Вегнекер I, стр. 47; Фасмер I, стр. 101; Rudnyckij 1, стр. 46; L. Sadnik, K. Aitzemüller. Указ. соч., Lief. 2, стр. 101—103 и др.

¹⁷ См., например: L. Sadnik, R. Aitzemüller. Указ. соч., 2, стр. 90 (*zabiti* первоначально якобы означало 'быть за чем-либо'); Machek, стр. 580 (первоначальное значение 'выйти из состояния душевной свежести', якобы от того же корня, что и слав. *bъdeti*, *buditi*) и др.

стояк' происходит от итал. *balustro* 'столбик в перилах'¹⁸. Между тем наличие в славянских языках таких образований, как укр. диал. *бáляс* 'шум', русск. диал. *балѳзник* 'болтун', чеш. диал. *balásat* 'уговаривать', с.-хорв. *балѳзгати* 'нести вздор' и др., делает отождествление слов *бáлясы* 'рассказни' и *балѳячина* 'столбик' в высшей степени сомнительным. Ничего не говорит в пользу такого отождествления и выражение *точить бáлясы* (якобы первоначально 'точить уже точеные столбики'), так как это выражение находится в одном ряду с несомненно давними выражениями типа *точить лясы*, *точить балы*, укр. *точити ляси*, *точити теревені* (ср. укр. *розмова точиться* 'разговор идет, ведется'). Таким образом, становится очевидной непосредственная связь русск. *бáлясы* 'рассказни' и родственных ему образований с общеславянской основой *bal-* 'разговаривать'.

Оставляя в стороне многие другие славянские образования от и.-е. корня **bhā-* 'говорить, объяснять', следует отметить, что сопоставление этих образований с соответствующим материалом других индоевропейских и семитских языков дает возможность по-новому подойти к вопросу о генезисе самого корня **bhā-* 'говорить', по-видимому, тождественного корню **bhē-* 'сиять, блестять, быть ясным'¹⁹, в праиндоевропейский и доиндоевропейский период и о генетических связях этого корня с другими индоевропейскими корнями. Оказалось возможным не только реконструировать более древнюю звуковую форму этого корня в виде **bhāʔ-*, но и установить его древнейшее родство с такими индоевропейскими корнями, как **bhəl-* (**bhel-*, **bhol-*, **bhǵ-*) 'быть светлым, белым', **bhər-* (**bher-*, **bhor-*, **bhǵ-*) 'быть светлым, ясным'; 'говорить, указывать', **bhəi-* (**bhei-*, **bhoi-*, **bhī-*) 'говорить, убеждать', **bhəu-* (**bheu-*, **bhou-*, **bhū-*) 'говорить, указывать'. Эти связи являются еще одним доказательством принципиальной возможности сведения индоевропейских корней к простым синлабам с одним согласным и одним неопределенным гласным. Дальнейшие сопоставления ведут к обнаружению тождества корневого элемента **bhə-* не только в перечисленных корнях, но и в корне **bhəi-* (**bhei-*) 'бить, ударять'. Это приводит к предположению о том, что первоначальной функцией корневого элемента **bhə-* (**bə-*) в доиндоевропейскую (ностратическую) эпоху было обозначение удара грома, сопровождавшегося блеском молнии.

Значительное количество новых этимологических сближений возникает и при рассмотрении лексического материала индоевропейских языков, фонетически возводимого к корню **kes-/kos-*,

¹⁸ См.: Преображенский I, стр. 15; Фасмер I, стр. 119; Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 2. М., 1965, стр. 29—30; Rudnyckij 1, стр. 68.

¹⁹ См.: Wadler-Hofmann, I, стр. 438; P. Persson. Указ. соч., стр. 117, 569; Н. Möller. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911, стр. 23 и др.

**ks-*, для которого при этом в индоевропейском праязыке устанавливается круг значений 'бить—трогать—чесать—царапать—скреести—рыть—копать—втыкать—колоть—резать—рубить (и умерщвлять)—раскалывать—бить (и умерщвлять)'. В частности, оказывается возможным возвести к данному корню такие до сих пор рассматривавшиеся вне этой связи слова, как слав. *xajati* (с тремя значениями — 'трогать', 'чистить' и 'хулить, поносить'), *xoliti* (польск. *pacholek*), *šibati*, *xovati*, *xudъ*, **xvorstъ*, *šestъ* (со всеми его индоевропейскими соответствиями), *kostъrъ*, *kostra*, *kostъ*, *pa-kostъ*, *kostiti*, русск. *кощѣн*, *касть*, *костыль*, др.-инд. *kṣālāyati* 'моет, чистит', *kṣipāti* 'бросает, швыряет', *kṣódati* 'растаптывает', *kṣudrah* 'малый, низкий, незначительный', *kṣupaḥ* 'куст', авест. *kasu-* 'малый', *xšviwrō* 'быстрый', лит. *skalauti* 'полоскать белье', *šukūoti* 'чесать', *šūkas* 'гребень', *šūké* 'черепок, щербина', лтш. *sukāt* 'чесать; чистить скребницей', *suka* 'щетка, скребница', *sukums* 'щербина, зазубрина, щель', греч. *ξέστης* 'кружка', и.-е. основу *sek-* 'рубить, сечь' и др., представить новые доказательства в пользу некоторых уже выдвигавшихся этимологий, а также поставить вопрос о принадлежности к этому же гнезду ряда других образований различных индоевропейских языков, особенно славянских и балтийских ²⁰.

Анализ и сравнение фонетических разновидностей значительного количества этимологически родственных слов обеспечивает возможность внесения уточнений в понимание и определение таких фонетических законов, которые остаются пока еще недостаточно четкими, а в отдельных случаях и установления новых фонетических законов. Эта возможность увеличивается в случае параллельного исследования нескольких этимологических гнезд, обнаруживающих аналогичные звуковые особенности. Так, например, в свете большого количества фактов, представляющих образования от корневых разновидностей **ks-* и **sk-* в славянских, балтийских и других индоевропейских языках, не оказывается оснований для предположения о том, будто слав. *x* (*ch*) в части случаев фонетически восходит к и.-е. *sk* или *sg* (*h*) ²¹. Эти факты показывают, что в ряде индоевропейских языков, в том числе и в славянских, имеет место параллелизм корневых разновидностей **ks-* и **sk-* и что все славянские образования с начальным *x-*, параллельные образованиям с начальным *sk-* в славянских же и в других индоевропейских языках, свободно возводятся к и.-е. корневой разновидности **ks-* (ср. русск. *скала́*, *щель* < **skel-*, лит. *skėlti* 'раскалывать', др.-

²⁰ Подробнее этот материал освещается в моей статье («Этимология. 1966». М., 1968).

²¹ A. В r ü c k n e r. Slawisches *ch*. — KZ 51. Göttingen, 1923, стр. 221 сл.; В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Один из источников начального *ch* в праславянском. — ВЯ, 1951, № 4; Н. S c h u s t e r - S e w c. Fragen der etymologischen Forschung im Slawischen. — ZfSl VIII, 6. Berlin, 1963, стр. 862—863, 869.

сканд. *skilja, skila* 'разделять', греч. *σχάλλω* < **skl̥-jo* 'копаю, рою', лат. *scalpō* 'царапаю, скребу, чешу, вырезаю, долблю' — русск. *хоблѣть, холѣй* 'отруби; слуга, раб', *холудѣна, хлуд* 'жердь', н.-луж. *chóluj, choloj, chołuj* 'плуг', др.-инд. *kṣāláyati* 'моет, чистит' и др.). Параллельно с метатезой начального корневого *ks-* в *sk-* в ряде индоевропейских языков фиксируется и выпадение *s* из редуцированной корневой разновидности **ks-* (ср. русск. *скопѣть, скопѣц*, лит. *skaróti* 'скоблить', *skõpti* 'выдалбливать, вырезать', греч. *σχάπτω* 'вскапываю', *схапáνῃ* 'мотыга, заступ', н.-перс. *škāfād* 'раскалывает' — русск. *копáть*, лит. *karóti* 'рубить, сечь, колотить', *kāpas* 'могила', греч. *χάπτω* 'ударяю, отсекаю', *χάπετος* 'ров, окоп, могила', н.-перс. *kāfād* 'копает' и др.).

Параллелизм корневых разновидностей с согласным *s* типа **kes-*, **ks-*, **sk-*, **k-* прослеживается и в образованиях от других аналогичных по своей звуковой структуре корней. При этом соответствия в образованиях от других корней не просто подтверждают правильность изложенного понимания разновидностей **ks-*, **sk-*, **k-*, но и сами получают объяснение, в котором они до сих пор нуждались. Так, например, на основании многочисленных фактов индоевропейских языков, в прошлом с этой точки зрения не рассматривавшихся, представляется возможным восстановить индоевропейский корень **tes-/tos-/ts-* (> **s-*) с общим значением 'обволакивать, покрывать, прикрывать, защищать, беречь' и, учитывая возможность метатезы *ts* > *st* и отпадения *s*, отнести к его гнезду такие образования, как алб. *tésha (tëshë)* 'белье, одежда', русск. диал. *тáшá* 'большое веретье для сушки зерна', *сень, сѣни, засеня́ть, стень, за́стить, за́стовать, застеня́ть, тень, стелѣть, потоло́к, тло, сторонá, стеречь, сорóчка, таѣть*, укр. *таш (ташá)* 'балаган, палатка; род брезента для накрывания возов; полотно, которым обтянут балаган', *ташнѣй* 'покрытый парусиной' (о повозке), *ташува́тись* 'располагаться', *стѣля* 'потолок', возможно, *осѣля* 'жилище', польск. устар. *tasz* 'палатка', мазов. *tas* то же, стар. *taszować kolasy*, чеш. *taška* 'тес для крыш; черепица'; ст.-слав. *село* 'поле', лит. *salà*, 'село', *sergėti* 'стеречь', *sagis* 'дорожное женское платье', *stógas* 'крыша, жилище', лтш. *stāgs* 'крыша', *segt* 'покрывать, укутывать', *sega* 'одеяло', *sagša* 'шерстяной платок, накидка; покрывало; хижина на плоту, покрытая соломой или корой', прусск. *stogis* 'крыша', греч. *στέρω* 'люблю', *στέρω* 'прикрываю, охраняю, прячу', *στέγη* 'крыша, кров, жилье', *στέγος* то же, *στέλλω* 'одеваю, наряжаю', *στολῆς* 'одежда, платье, шкура', *στολή* то же, *στωρέννυμι, στόρνυμι, στρώννυμι, στρώννυω* 'расстилаю, мощу', *τέγος* 'крыша, жилище', *στέρφος* 'кожа со спины животного', *τέρφος* то же, лат. *tegō* 'покрываю, охраняю, опутываю', *toga* 'верхняя одежда', *sagum* 'вид плаща', *solum* 'почва', *sternō* 'расстилаю, покрываю, мощу', *tellus* 'земля', *tergum* 'шкура, кожа, слай, лист, поверхность, спица', *storea* 'плетеное одеяло', *torus* 'покрытое войлоком ложе', др.-в.-н. *strewen* 'посыпать', *dah*

‘крыша’, *sal* ‘здание’, др.-сканд. *serkr* ‘сорочка, военная куртка, брюки’, лангоб. *sala* ‘двор, дом, здание’, гот. *salifwos* ‘приют, жилище’, др.-инд. *sthápati*, *sthagápati* ‘окутывает, прячет’, *stṛṇáti* ‘посыпает, роняет’ и др.

Реальность корня **tes-/*tos-/*ts-* и намеченный здесь в наиболее общем виде состав его этимологического гнезда нуждается еще в более тщательной проверке. Но и такая проверка может быть достаточно основательной и объективной только при учете, наряду с другими возможными связями отдельных из этих слов, всей совокупности указанного лексического материала со всеми отношениями, обнаруживающимися внутри его состава. Во всяком случае, обстоятельный анализ больших этимологических гнезд на материале целых групп или целой семьи родственных языков таит в себе широкие возможности не только для установления новых этимологий, но и для самой строгой проверки уже предложенных или вновь предлагаемых сопоставлений.